АКАДЕМИЯ НАУК СССР — ГРУЗИНСКИЙ ФИЛИАЛ
ТРУДЫ ИНСТИТУТА АБХАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ
им. акад. Н. Я. МАРРА

Выпуск VII

М. ДЕЛБА

ОСНОВАТЕЛЬ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДМИТРИЙ ГУЛИЯ

Издание ИАК АН СССР, СУХУМИ, 1937 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР — ГРУЗИНСКИЙ ФИЛИАЛ
ТРУДЫ ИНСТИТУТА АБХАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ
им. акад. Н. Я. МАРРА

Выпуск VII

М. ДЕЛБА

ОСНОВАТЕЛЬ АБХАЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДМИТРИЙ ГУЛИЯ

Под редакцией
А. К. ХАШБА

Издание ИАК АН СССР, СУХУМИ, 1937 г.

Печатается по постановлению РИСО
Грузфилиала АН СССР.

45 лет литературно-научной
деятельности
1891—1936

„На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период *расцвета* национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме".

СТАЛИН.

Наша эпоха не сравнима ни с чем прошлым и далеким от сегодняшнего дня. Ни история великих народов древнего Китая и Индии, Египта и Ассирии, ни история мудрой античной Греции и Рима, замечательные памятники искусства и науки которых легли в основу современных знаний человечества, не могут стать в один ряд с историей мира наших дней.

Ни одна эпоха в истории, кроме нашей—эпохи Великой Социалистической Революции и строительства социализма в СССР, не была и, конечно, не могла быть так полна и насыщена счастьем, радостью, великой дружбой, братством, истинной свободой трудящихся, экономическим и культурным расцветом.

Великое дело творцов марксизма-ленинизма, Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина победило в нашей могучей, крепкой и несокрушимой стране —родине трудящихся народов всего мира.

Наряду с этим, ни одна эпоха, как современная, в истории не была так полна и насыщена

величайшим социальным трагизмом—безработицей, массовой нищетой и голодной смертью миллионов капиталистических рабов, преследованием культуры, уничтожением тех ее ценностей, которые так любовно и заботливо создавало человечество на протяжении веков своим трудом и блестящими талантами. Фашизм, этот мрачный двуногий зверь, „спаситель" империалистической буржуазии, прославился массовым истреблением человеческой силы, он обильно залил кровью рабочих и крестьян, честных передовых и прогрессивных людей, кровью героических членов братских нам коммунистических партий свою гнилую, дряхлую, паразитическую систему капитализма.

Сегодня там, в далекой Испании, агенты германского и итальянского фашизма, кровавые интервенты — современные каннибалы, беспощадно проливают кровь сотен тысяч невинных трудящихся, сотни тысяч передовых людей антифашистской, революционной Испанской Республики. Теперь, как никогда, капитализм близок к гибели, поэтому он воюет. Сегодня война принимает уже характер непосредственной угрозы нашей великой политике мира.

Человечество переживает весьма ответственный исторический момент.

Но победа за нами!

Капитализм потерпел крах на одном из решающих его участков—мы построили социализм, сегодня „...социализм для СССР есть то, что уже добыто и завоевано" (Сталин).

Советский Союз служит для всего мира маяком социалистического гуманизма, очагом новой социалистической культуры и сокровищницей всех культурных ценностей, созданных человечеством на протяжении тысячелетий.

В то время, как на площадях германских и итальянских городов фашисты сжигают бессмертные творения Гейне, Горького и других корифеев мировой культуры; в те дни, когда пылает зажженный фашистскими бомбами знаменитый Мадридский музей Эль-Прадо, где хранились прекраснейшие произведения мирового искусства; в это самое время народы СССР празднуют, один за другим, юбилеи великих деятелей науки, искусства, литературы. На фоне невиданного расцвета национальной по форме, социалистической по содержанию культуры торжественно отмечаются: 225-летие со дня рождения Ломоносова, 750-летие со времени рождения гениального грузинского поэта Шота Руставели, 100-летие со дня гибели великого русского поэта А. С. Пушкина.

Отмечена сейчас и скромная дата, являющаяся однако большим событием в культурной жизни абхазского народа—45-летие литературно-научной деятельности первого поэта Абхазии Д. И. Гулия —основателя абхазской литературы.

Его жизни и творчеству и посвящена эта работа.

Много столетий прожил абхазский народ в тяжелом порабощении и суровой нужде. На его

прекрасной земле побывали, как хищные грабители, военные пираты других, более сильных, народов Востока и Запада.

Военные полчища древнего Ирана и Греции, Рима и Оттоманской Турции ползли сюда как змеи, чтобы высосать кровь абхазского народа и, как голодные волки, глодали его страну, обильно наделенную естественными богатствами.

„И покоряли нас тираны, кровавой жаждой пламенея...
Жилища наши разоряли, лились кровавые потоки..,
Топтали нас коней копыта, мы под угрозой вечной жили,
Враги огню поля предали, страну в руины превратили...".

(Из письма трудящихся Советской Грузии вождю народов—Великому Сталину).

В начале XIX столетия к богатствам Абхазии протянул свои кровавые когти прославленный „белый" русский царь.

Разумеется, вторжение царизма на территорию Абхазии совершилось с благословения врагов и предателей абхазского народа—местных князей и дворян.

Продажа Абхазии и ее народа русскому царю ярко отображена в известном письме абхазских феодалов, противников турецкой ориентации во главе с Георгием Шервашидзе (Сафар-бей Чачба). Письмо адресовано в Санкт-Петербург русскому императору Александру I-му: „Всеавгустей-

шему и всемилостивейшему монарху нашему всеподданнейшее прошение и предание себя с владением моим через сие мое письмо, следующим образом:

...2) Обязываюсь отныне письмом сим и предаю себя и вместе со мною Абхазию и все, находящееся в Абхазии в наследственное подданство и рабство престола всемилостивейшего и всеавгустейшего монарха всероссийского и также преемника его с исповеданием прежней веры нашей, которой были предки наши—христианами по греческому закону...".

Письмо датировано 1809 годом.

Вот как эти хищники правили Абхазией, вот как они продали русскому царю Абхазию и ее народ, исключительно в своих собственных интересах, накладывая тяжесть двойного угнетения на народ, который и так томился в беспросветной нужде.

Русский царь Александр Павлович „милостиво" принял петицию абхазских владетельных князей и приступил к ее реализации. „...Согласно с желанием самого владетеля, русские войска вступили в 1810 году в Абхазию, вытеснили турок из Сухума и поместили в нем небольшой гарнизон" (Торнау, Воспоминания Кавказского Офицера, стр. 7, 1864).

17-го февраля 1810 года Сафар-бей утверждается владетелем Абхазии.

„Оценив дворян усердье в покореньи новых стран,
Царь удвоил им налоги и повинности с крестьян.
Крепостной, как будто вольный, снова брошен был в тюрьму".

(Из письма трудящихся Советской Грузии вождю народов—Великому Сталину).

Российский царизм проложил свой разбойный путь к абхазским берегам, с девизом:

„Все русскому мечу подвластно".

Описывая военные победы двухглавого орла на Кавказе, великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин сказал:

„Но се Восток подъемлет вой".

И действительно, народ не подчинялся ни силе оружия царских казаков, ни их опустошительному убийственному огню.

Восстания абхазского народа против русских колонизаторов и местных феодалов и дворян следовали одно за другим—1821 год, 1824 год, 1830 год и 1840—1842 гг., не говоря уже об историческом восстании крестьян 21 июля 1866 г. в Гудаутском участке, в сел. Лыхны.

Карательные экспедиции опустошали целые „немирные" районы Абхазии: Цабал, Дал, Псху и другие. Ибо „...Русские не имели в ней тогда никакого нравственного значения, и мы могли опираться на одну только силу" (Торнау, там же, стр. 27).

Но народ не складывал священного и меткого оружия и не переставал активно сопротивляться.

Борьба абхазов против русских войск несомненно была связана идейно с той длительной и истинно-героической войной, которую вели по ту сторону Кавказского хребта разноплеменные горцы, против покорения Кавказа российским самодержавием, во главе с Кази-Муллой, Гамзат-Беком и знаменитым имамом Чечни и Дагестана—Шамилем.

Тогда царские сатрапы задумали жестокий план ликвидации восставшего народа. Развернулась величайшая социальная трагедия в жизни абхазского народа: насильственное выселение в Турцию. Это ужасное изгнание десятков тысяч людей из Абхазии известно в истории под названием „махаджирства". Сколько человеческой крови и слез, печали и страданий включено в это поистине жуткое слово—„махаджири".

Начиная с 1850 года и до 80-х годов продолжалось это кошмарное изгнание измученного народа на турецкую чужбину. Всего было выселено сто с лишним тысяч людей.

В эти мрачные, трагические годы жизни абхазского народа, на шумном берегу Кодора, недалеко от Черного моря, в чьи широкие просторы бросает свои неспокойные воды эта река, у абхазского крестьянина Уруса Гулия родился сын. Это произошло в 1874 году, 26-го мая, в селе Уарча Гумистинского участка, в той самой местности, в низовьях Кодора, которую так художественно описал в своем трогательном рассказе

„Рождение человека“ великий пролетарский писатель Максим Горький.

Это произошло там, где семь лет тому назад советская власть построила мощный лесопильный завод, где сейчас проходит стальная лента Черноморской железной дороги, где над буйным Кодором высится прекрасный мост.

Маленький Гач Гулия (в детстве Дмитрия Гулия родители звали Гач) не избежал участи „махаджира“.

В 1877 году дом Уруса Гулия был сожжен, и сам он, уступая силе, вынужден был сесть с семьей на турецкий военный корабль—„Махмудие“ и отплыть в Трапезунд. Там, в Турции, семья Гулия просуществовала несколько томительных месяцев на нищенском пайке—„атаин“ и в 1878 году бежала через турецкий городок Макрал в Батум, а оттуда нелегально через посредство знакомых в родную Абхазию.

В Абхазии начальство „сжалилось“ и не выслало обратно семью Гулия, только Урусу Гулия не было разрешено жить в Гумистинском участке.

Тогда семья Уруса поселилась на другом, левом берегу реки Кодора, в селе Адзюбжа, Кодорского участка.

Я почти каждый год вижу, когда еду в родное село, старую усадьбу Уруса Гулия. Умер старый Урус, а сыновья его пошли „в люди“. Там сейчас пустынно и никто не живет. Лишь случайные остатки домашней утвари, груды камней да доживающие без призора свой век старые абхаз-

ские яблони и другие садовые деревья говорят о том, что здесь жили люди—это настоящая „акепта“, вокруг которой идут радостная жизнь и трудовые дни колхозников.

В те далекие от нас времена российский царизм не строил школ в Абхазии, хотя и сознавал необходимость того, чтобы „абхазцы получили бы соответственное правительственным видам воспитание“. Учиться было негде. В восьмидесятые и девяностые годы прошлого столетия по всей Абхазии было только две школы: в сел. Окум и в Сухуме.

В девятилетнем возрасте Дмитрий Гулия стал ходить к адзюбжинскому священнику, который и научил его элементарному чтению и письму на грузинском языке (Мхедрули и Хуцури).

Совершенно случайно, по совету некоего Мурзакула, Урус Гулия отвез своего Гача на учебу в Сухумскую двухклассную горскую школу. „...Посадил меня отец к себе за седло, и я поехал в Сухум учиться, крепко держась за отцовский пояс. В то время мне было девять лет, а год стоял 1883“. Так об этом эпизоде своей жизни вспоминает Дмитрий Гулия.

Здесь с большими трудностями удалось подать прошение кутаисскому губернатору, который к „счастью“ оказался в Сухуме. „Губернатор повертел в руке прошение и проговорил:

— Примем. Езжай домой. Когда тебе дадут знать, привезешь его сюда.

Отец поспешно вышел, не успев еще разобраться в словах начальства...

Отец купил кое-что в городе, и мы выехали домой. Отцу было неприятно, что меня не приняли и что приходится возвращаться ни с чем... Ждали мы вызова неделю, две, месяц, год. Но никто не вызывал меня почему-то.

Спустя год отец снова поехал в Сухум и подал прошение смотрителю школы.

И в этом году нет места,—объяснил смотритель,—но мы дадим знать, когда оно будет, и ты привезешь мальчика.

Отец снова вернулся домой расстроенный.

— Ну как?—спросила первым долгом мать.

— Тоже самое,—ответил отец.

Снова ждали. Кончился год, но никто не вызывал меня.

На третьем году, в 1885, я во второй раз побывал в Сухуме. Отец подал прошение начальнику округа. Начальник обещал принять меня.

— Пристрой мальчика на месяц, на два где-нибудь в Сухуме,—сказал он,—а к тому времени мы его определим в интернат. До того же пусть посещает школу.

Отец посоветовался с переводчиком.

— Начальник что-нибудь сделает, — говорил переводчик.

— Есть ли кто-нибудь у тебя здесь?

Потом они долго объяснялись относительно вакантного места, так как отец не мог понять, что это такое. Наконец, переводчик объяснил так: если

кто-нибудь из учеников умрет или уволят кого-нибудь, то меня примут.

— На таких условиях? Если кто-нибудь умрет?! —вскричал отец и мы снова пошли на базар,—на единственное место, где можно было обратиться к практической мудрости и к самому тонкому толкованию законов.

И вот я был оставлен у одного портного, который принял меня к себе на время. У него я прожил две недели, после чего был неожиданно зачислен в список воспитанников интерната абхазской горской двухклассной школы..." (Д. И. Гулия).

В старой царской школе „серо и однообразно протекали дни", но мальчик Гулия выказал большие способности в учебе. По окончании школы из 10 сданных предметов он имел 8 отличных отметок (5) и 2 очень хороших (4).

В 1889 году он поступает в учительскую семинарию в Гори. Но Д. Гулия в Гори учился всего 4 месяца. Болезнь прервала учебу. По выздоровлении, семинария отказалась принять Гулия по „климатическим" соображениям.

А на заявление Гулия, поданное в Хонскую семинарию, директор наложил следующую чиновничью и бездушную резолюцию: „Так как Гулия, получив извещение еще в прошлом году от г. попечителя Кавк. Учебн. Окр. о том, что он будет принят на счет казны без экзамена в Кутаисск. уч. семинарию, в м. Хони не явился, а поехал в Гори, выдержал экзамен и поступил,— этим он выразил свое нежелание учиться в этой

семинарии, и поэтому отказать в поступлении в этом году в означенную семинарию". „Таким образом, я учился в учебных заведениях всего 4 года и 4 месяца с перерывами",—говорит о своем образовании первый абхазский писатель.

В 1891 году Д. И. Гулия работает с К. Мачавариани над составлением абхазской азбуки. К этой серьезной работе он, совсем еще юный тогда, был привлечен как знаток родного языка. В предисловии к этой азбуке сказано: „Цель нашей азбуки заинтересовать детей абхазцев их грамотой и облегчить им изучение русского языка". Книга вышла в 1892 году в Тифлисе.

С этого времени начинается научная и литературная работа Гулия, связанная с введением письменности на абхазском языке.

Абхазская азбука К. Мачавариани и Д. Гулия существовала в своем первоначальном виде вплоть до 1909 года, когда она была усовершенствована учителем Андреем Максимовичем Чочуа, одним из первых больших культурных работников среди абхазцев, отдавшим десятки лет своей прекрасной жизни делу просвещения трудящихся своего народа. Азбука, составленная А. М. Чочуа, сохраняла свое значение до того момента, когда в Абхазии был принят аналитический алфавит Николая Яковлевича Марра.

Как известно, более ранняя попытка изображения абхазских звуков через буквенные знаки принадлежит барону П. К. Услару. Абхазская азбука его и незаконченная грамматика абхазского

языка вышли в 1862 г. Дмитрий Гулия о работе Услара над абхазским языком говорит следующее: „Целью Услара было не обучение детей абхазцев грамоте, но изучение самих абхазцев, их обычаев и нравов, чтобы нащупать более легкие пути, для полного подчинения Абхазии русскому царизму".

Далее, в 1865 году, комиссия генерала И. Бартоломея выпускает букварь абхазского языка, незначительно отличающийся от работы Услара. Но эти азбуки—Услара и Бартоломея,—прямых ставленников российского царизма—не дошли до школ, и абхазские дети не пользовались ими.

Непосредственно поэтической деятельностью Дмитрий Гулия начал заниматься с начала нашего столетия. Это было время, когда в Абхазии уже возникла большевистская подпольная организация, оформившаяся в 1903 году, как ячейка Батумского Комитета ленинской партии, созданного в 1901 году Великим Сталиным. Это было время, когда, по словам гудаутского крестьянина, старого Басята Агрба, „батумский ветерок пробудил нас, крестьян, и в Абхазии". Это было время, когда у руля революционного движения в Абхазии стал верный соратник Ленина и Сталина, бесстрашный боец за дело коммунизма, выдающийся организатор побед социалистической индустрии—Серго Орджоникидзе.

Простой человек, в скромном учительском мундире, Дмитрий Гулия первым дерзнул в те

мрачные годы царского режима изложить благородные мысли своего народа в стихах.

В его мягких и певучих стихах богатый народный фольклор абхазцев приобрел литературный образ и форму.

Сила и красота творчества Гулия заключаются в силе и красоте творчества его народа. Народ есть родная и любимая стихия поэта. Он страстно любит народ и его творчество.

Сильнее народа никто не поет. Дмитрий Гулия поет так, как поет народ; он как в фокусе отражает все лучшее, что есть в лексиконе народа. Живительный творческий язык народа из уст поэта льется как звонкая песня.

Дмитрий Гулия вполне законно и справедливо называется „дедушкой" абхазской художественной литературы.

С именем этого замечательного человека и поэта связано возникновение абхазской поэзии, связана история нашей литературы.

Ценнейшей стороной творчества Гулия является богатство и разнообразие жанра, поэтической формы. „...Я стал разбрасываться, пользуясь разными формами и жанрами стихосложения, желая дать моим последователям—молодым поэтам—возможность выбора",—так объясняет богатство и разнообразие своей творческой деятельности сам Гулия.

Ему одинаково хорошо удаются стихи и проза, песни и частушки. Он выявил свое дарование во всех областях литературной работы. Он пишет

поэмы, лирические стихи, баллады, басни, сатиры, романы—он культивирует разные жанры. Прекрасные литературные произведения Гулия говорят о большом его поэтическом мастерстве и знании.

Прелесть художественного творчества Дмитрия Гулия заключается в простоте и народности. Вот почему духу его творчества чужды схематизм и формалистические зарисовки, вот почему, выйдя из народа, он не оторвался от своей родной стихии, а понятен и близок ей.

Реализм Гулия всегда правдив, кристалличен и захватывает как читателя, так и слушателя в одинаковой степени. Глубоко вникая в каждое произносимое слово, никто из наших писателей так тонко не владеет семантикой абхазского языка, как Дмитрий Гулия.

Творчество Гулия, как и всякое большое творчество, требует определенной периодизации. Это даст возможность уяснить те причины, которые породили в его произведениях те или иные социальные мотивы.

Литературно-поэтическая деятельность Гулия распадается на три периода.

1. Эпоха самодержавия. Первым печатным художественным произведением Дмитрия Гулия является его замечательный „Сборник стихов", вышедший в 1912 году в Тифлисе.

Родина-Апсны, эта красавица, жемчужина природы, трудовой народ и его родной язык—вот стихия поэзии Гулия,—это лейтмотив его творче-

ства. Молодого поэта Гулия охватывает действительный пафос в стремительном желании обучить трудящихся абхазцев письму и чтению на их родном языке.

В эпиграфе к сборнику он восклицает:

„Говори абхазским родным языком!"

Очень характерно, что Дмитрий Гулия никогда не отрывает природу от трудового человека, от его деятельности. Описывая и воспевая природу в исключительно художественных образах, он обязательно отражает на этом фоне трудовые процессы людей. В первом стихотворении „Весна" он говорит:

„Здравствуйте трудящиеся,
В поте лица работающие,
Трудом сеющие...".

Наряду с изображением природы и относительно абстрактными рассуждениями о человеке вообще, в произведениях Гулия мы находим ряд весьма важных социальных тем, чем Дмитрий Гулия нам особо важен, близок и дорог. Гулия—сын трудового народа и он органически с ним связан и горячо любит его.

Достойный сын своего народа, как истинный плебей, он поднимает свой голос в защиту трудового крестьянства. Со всей силой обличительности его стиха он смело нападает на произвол царя, князей и дворян, на людей-хищников, конокрадов и гуляк, которых обильно порождала социальная среда того времени.

Вот одно из стихотворений Гулия, которое было написано в самые тяжелые годы реакции:

ХИЩНИК

Конь его холеный, дорогая сбруя;
Пышные одежды на его плечах;
Весело гарцует, конь под ним танцует...
О как этот всадник горд и величав!

Пошленькие мысли скрасит красноречьем,
Нанизав изящно звучные слова.
Каждый очарован им при первой встрече,
Каждый восклицает: что за голова!

Как легко танцует, как красив и строен,
Ачамгур играет под его рукой;
Вечно безупречен, ловко все устроит:
За его поступки—отвечай другой!

С просьбою к соседу он не обратится,
А в труде тяжелом для него не жизнь,—
С песней беззаботной он живет как птица,
Ну, а кормят эту птицу—грабежи.

Он не забывает ни детей ни женщин,
Он не забывает ни сирот, ни вдов:
Высосать до капли все, что есть—не меньше!
Обобрать, ограбить—он всегда готов!

О, как он „наивен": он совсем не знает,
Что такое правда, что такое честь;
Честью он гордится, но она иная:
Дочиста ограбить, досыта поесть.

Что ему работа? Труд ему не нужен!
Как хозяин, входит он к соседу в дом,—
Обкрадет, ограбит и продаст ему же,
Так живет чужим он потом и трудом!

Если мучит голод, мило все и просто:
Он готов быть другом, братом и отцом.
А наестся вдоволь, а напьется вдосталь,—
Станет, как и прежде, снова подлецом.

В трудную минуту сыплет красноречьем;
А к нему с мольбою—он и глух и нем,—
Разведет руками, приподнимет плечи...
Проклянешь прохвоста и уйдешь ни с чем.

Многих он ограбил, много слез напрасно
Он пролил. Но верю я: пройдут года,—
Этот хищник подлый, этот плут опасный
Будет уничтожен, сгинет навсегда!

30 сентября 1907 года.

Перевод с абхазского *А. Кулаковского*

Так острое и меткое перо пламенного писателя разило хищников и агентов царя „всея Руси".

Тип хищника автором раскрыт и найден в абхазской действительности, и литературный образ его оформлен очень удачно. „Хищник" Гулия это подобие „трибуна тамбовских удальцов" из поэмы „Казначейша" знаменитого русского поэта Лермонтова:

„Он был врагом трудов полезных.
Трибун тамбовских удальцов,
Гроза всех матушек уездных
И воспитатель их сынков.
Его крапленые колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.
Губернский врач, судья, исправник—
Таков его всегдашний круг;
Последний был делец и друг,
И за столом такой забавник,
Что казначейша иногда
Сгорит, бывало, от стыда".

Правда, „трибун тамбовских удальцов" в „Хищнике" получился сильно варьированный, со спе-

цифическими абхазскими чертами, но неизменно сохранил свою паразитическую сущность, ибо паразиты-хищники существовали и там, в далекой России, и здесь, у нас в Абхазии.

В стихотворении „Гуляка", написанном Дмитрием Гулия в 1909 г., высмеивается и разоблачается предательская и паразитическая роль людей промежуточных социальных групп, так называемых „ашнакма", или как их иногда иронически именуют „выше крестьян, ниже дворян".

Вот что говорится в этом стихотворении:

„На пирах и поминках он не гость—загляденье!
Занят он ежедневно только пляской да пеньем.
Хоть ищи целый месяц, хоть ищи целый век,
Вряд ли встретится равный ему человек.

Это не просто. Ведь сможет не всякий
Быть вот таким безнадежным гулякой.

На поминках „азар" он поет безупречно,
Удержит там „атарчей". В скачках смел и беспечен.
...Упадет и, запнувшись, разобьются с ним трое:
Он опять на коне. Не грустит—что ж такое!

Разве это не храбрость? Ведь на подвиг подобный
Только может решиться бродяга бездомный!

Если сядет на лошадь—до болезни загонит,
Если в гости прийдет—то пока не прогонят.
Едет в путь и не знает зачем и куда...
Спутник им недоволен, гостю редко кто рад.

Не легко это дело. Ведь прожить так задаром
Может разве лентяй и бездельник бездарный.

Дни в работе нести—боже мой!—стыд ужасный,
Но зато хорошо—не работая шляться!

Поведенье его—это радость врагам,
Поведенье его—это горе друзьям.

Разве это легко, разве всякий так сможет?
Может быть лишь глупца стыд не будет
тревожить.

Он бесцельным катанием спину лошади стер.
От бесцельных гуляний—не черкеска — позор.
От безделья у всех потерял уваженье,
Прожил больше полвека прибаутками, пеньем.

Это не просто. Ведь сможет не всякий
Быть вот таким безнадежным гулякой!"

8 декабря 1909 г.
Гор. Сухум.

Перевод с абхазского *Н. Данилевской.*

Одним из важнейших произведений Дмитрия Гулия, имеющим ярко выраженное по своему существу политическое значение, является его „Ходжан-Ду", написанное в 1910 году:

„Право, мне нравится Ходжан-Ду.
Его житье и его дома,
Его двор и амбар и плоды в саду.
Не он ли есть человек ума?

Кто может счесть его мелкий скот?
А рогатый скот не сочтет он сам.
Режут, едят и живут без забот
И бездельничают по целым дням.

Общипал, точно птиц, он бедных вдов,
Мужчин обманул и лишил земли.
Одни—покинули собственный кров,—
Другие—испуганно отошли.

Он натравлял друг на друга людей,
Их драке бывал бесконечно рад,
Кто остался без носа, кто без ушей,—
Бегут, разбегаются, куда глаза глядят.

Он со злорадством смотрел вокруг
И на поминках бывал он сыт.
Веселил его сердце народный недуг
И обездоленный жалкий вид.

У него было семеро сыновей,
Способных лишь грабить и убивать.
В отца они вышли повадкой своей,
Друг друга старались перещеголять.

Законы сами они создают.
В лугах их несется табун лошадей.
С ними бороться, напрасный труд,
С самыми сильными в округе всей.

Вот каковы сыновья его,
Сам же он чуточку хуже их.
Теперь на ущербе его торжество
И нет уже радости дней былых.

За плутни и злобу осудит бог—
Его,—потерявшего правду и честь.
За все мученья, за долгий гнет
Ему готовит жестокую месть.

Что же случилось с Ходжан-Ду?
Горе стучится у крепких ворот,
Не слышно смеха в его саду,
Сожжен его дом, и двор, и скот.

Жаль мне беднягу Ходжан-Ду.
Величием и славой он был богат,
Он думал: и бога я проведу.
Но бог его бросил в пылающий ад".

Перевод с абхазского *Р. Ивнева.*

Как видно, принципиальная основа и мотивы этих произведений Гулия однородны. Во всех этих стихах он бичует феодально-дворянский произвол, царских захватчиков и защищает трудящихся.

В „Ходжан-Ду“ Дмитрий Гулия аллегорически направляет острие своего пера прямо на „всесильного“ алчного князя, богача кулака, дворянина, на основную опору власти „царя-батюшки“. Ходжан-Ду это собирательная фигура эксплоататора трудящихся, отражающая в себе всю отрицательную сущность политики царя.

В „Ходжан-Ду“ Гулия не обошелся частично без религиозной терминологии, но тем не менее это стихотворение было большим дерзновением для первого абхазского писателя в те годы, годы черной реакции. Это произведение Гулия было и остается одним из выдающихся ярких художественных произведений абхазской литературы, проникнутым классовым протестом против эксплоатации, бесправия и „законного“ грабежа трудящегося народа.

Не правы те товарищи, которые отрицают весьма важное значение данного произведения и бросают Гулия в об'ятия людей противного нам лагеря. Мы со всей категоричностью заявляем, что Дмитрий Гулия вышел из самой гущи народа и он является выразителем чувств лучшей и передовой части абхазского крестьянства. Дмитрий Гулия подлинный и достойный сын трудового народа, он выражал в поэзии чаяния и интересы передовой части трудового крестьянства, и народ никогда не отдаст своего Гулия нашим врагам. Товарищам, стоящим на неправильной точке зрения в оценке „Ходжан-Ду“ и других произведений Гулия, следует знать историю литературы, знать

то, как административно-цензурный произвол старого мира душил всякую прогрессивную и революционную мысль, и то, что писатели нередко вынуждены были иносказательно выражать свои мысли.

Вообще, конечно, нужно заметить, что творчество Гулия в дореволюционную эпоху несвободно от элементов внутреннего противоречия. Наряду со страстной защитой трудящихся от паразитизма всяких мастей, которые он бичевал язвительной сатирой, Дмитрий Гулия дает и мотивы отвлеченности, созерцательности, мистики и даже примирения социальных противоречий. Но следует заметить, что Гулия большой знаток фольклора. А в фольклоре иногда „...звучат ноты безнадежности и сомнения в смысле земного бытия — эти ноты явно внушены двухтысячелетней проповедью пессимизма христианской церкви и скептицизмом невежества паразитивной мелкой буржуазии, бытующей между молотом капитала и наковальней трудового народа“ (Горький, О литературе, стр. 371, 1935).

Для ясности и правильной квалификации „узких мест“ в творчестве Гулия, надо прямо сказать, что ошибки, слабая и теневая стороны не так жизненны и не определяют социальной значимости его произведений. Я думаю, что товарищ Виктор Кукба допустил ошибку, когда творчество Гулия он охарактеризовал так: „Наряду со стихами, Д. Гулия занимается переводами пьес на абхазский язык. Им же написана по-

весть „Под чужим небом“ (1918 г.), ярко показывающая, как за преступления, совершенные князьями, расплачивались крестьяне. Таким образом, автор отошел от проповеди христианского смирения и своим творчеством пробуждает чувства ненависти к царскому режиму и к местному дворянству“ (Альманах писателей Абхазии, Книга первая, стр. 165, 1935).

Эта характеристика исторически неверна и ошибочна по существу. Следует ее исправить, тем более сам тов. Кукба оценкой „Ходжан-Ду“ Дмитрия Гулия отрицает свою же характеристику относительно „проповеди христианского смирения“ в творчестве Гулия. Нельзя уступку общепринятой религии, которая несомненно имеется у Гулия, квалифицировать, как „проповедь христианства“ и теологизм.

Социальные заблуждения не доминируют в творчестве нашего писателя, это не позиция и принцип, не существо, а переходящие формы и нюансы, порожденные временем, историческими условиями, и потому, как совершенно правильно сказал талантливый абхазский критик Хухут Бгажба,—„это своеобразное пятно на чистом полотне“.

„...Люди делают свою собственную историю, но они ее не делают самопроизвольно,—им приходится действовать не при обстоятельствах, выбранных ими самими, а при обстоятельствах, независимых от их выбора, непосредственно их окружающих и унаследованных“ (Маркс, 18-е брюмера. Маркс и Энгельс, соч., т. VIII, стр. 393).

Нам кажется, что прав Гулия, когда он говорит: „Теперь, после советизации Абхазии, для работы созданы все необходимые условия. Я начал писать с 1891 года, т. е. лет 45 тому назад, когда мне было еще 18 лет. Но я не имел возможности развивать свою работу; кроме препятствий, поддержки ни от кого не получал. Потому моя работа шла очень медленно“.

Здесь невольно вспоминаются слова знаменитого певца народной печали Некрасова—о временах „разврата грязного и мелкого тиранства“:

„Любовь и Труд—под грудами развалин!
Куда ни глянь—предательство, вражда...“.

Не случайно наш великий русский писатель Максим Горький писал: „Капиталистический строй убил в „маленьких“ людях способности художников и творцов, этот строй не давал талантам ни места, ни возможности развернуться, расцвести“ (О литературе, стр. 35, 1935).

Дмитрий Гулия был певцом и страстным защитником трудового народа, таким он останется в истории абхазской литературы, ибо это основная сторона его творчества.

Далее в 1913 году выходит маленькая книжечка Дмитрия Гулия—„Любовное письмо“. Это первый образец абхазской любовной лирики, так прекрасно написанной. Здесь, в этой вещи, наш большой писатель дал красочную музыку любви, любви невинной и глубоко интимной, сильно захватывающей своей кипучей жизнью. „Любовное пись-

мо“ Гулия является и до сих пор непревзойденным образцом мастерства стихосложения в абхазской литературе. Внутренняя гармония и ритмика стиха, располагающий сюжет придают „Любовному письму“ исключительную красоту и музыкальность. Нашим молодым абхазским писателям необходимо учиться у Гулия прекрасному и высокому совершенству стиха.

В этом периоде своего творчества, как и теперь, Гулия много работает над фольклором. Свои произведения он часто начинает—„Так говорили в старину“, „Народ любил говорить“ и т. п. Тогда же он усиленно работает над языком, открывая много „словесных Америк“ (Маяковский).

Он отбирает все лучшее в лексиконе богатого устного народного творчества. „Всякий материал, —а язык особенно,—требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть—ясного, точного, красочного, звучного, и—дальнейшего, любовного развития этого лучшего“ (Горький, О литературе, стр. 129, 1935).

Вот почему художественное мастерство Гулия является прекрасным и непревзойденным образцом в абхазской литературе, вот почему его язык так красочен и ясен, музыкален и прост. А простота, говорил Горький—„подлинное искусство“.

Несомненный интерес представляет стихотворение Дмитрия Гулия, относящееся к 1915 году

СТИХИ О МИРОВОЙ ВОЙНЕ

(Из жизни солдата)

Что говорили в старину—
Узнали мы сейчас...
Ведь нам для отдыха дана
Холодная земля и грязь,
Постели нет совсем у нас—
Сухое сено—ложе.
Но пусть солдат и не прикрыт
Роптать он все ж не может.
От холода окоченев,
Как мухи, мрет народ.
Число живых подобно тем,
Кто в смертный мрак сойдет.
Так мы страдаем от войны,
Что час—то инвалид,
И чаще губит нас мороз,
Чем пуля в грудь разит.
О, девушки долин и гор,
Вы знаете ль, как жизнь горька?
Вы шьете платье цвет танго...
Зачем вам моды „шантеклер“,
Зачем наряды и цветы,
Кому покажете себя
И с кем разделите мечты?

Перевод с абхазского *Н. Данилевской.*

Кровавый кошмар империалистической войны получил определенное отражение в творчестве Гулия. Чуткое ухо и благородное сердце писателя-гуманиста отозвалось на эту величайшую трагедию человечества. Но, к сожалению, это был только маленький штрих об океане невинно пролитой крови рабочих и крестьян. Гулия только фиксировал внимание на людских страданиях, но он не понял социально-экономических причин,

вызвавших на историческую арену истребительную войну. Он не знал „дьявола" войны, не знал, что война есть продолжение политики капиталистов, поэтому и не искал выхода из войны и средств ее уничтожения. Он не апеллировал, подобно знаменитому французскому писателю Анри Барбюсу, к великой социальной революции пролетариата, как к единственному, решающему и окончательному оружию для прекращения народного страдания, войны и эксплоатации.

2. Эпоха 1917—1920 годов. Одним из ярких документов творчества Дмитрия Гулия является его стихотворение-призыв „Вперед", написанное в 1917 году под воздействием Великой Октябрьской Революции:

„Время изменилось, туча прошла,
Засияло солнце и нас всех разбудило.
Мы видим ясно, что произошло в нашей стране.
Двигайтесь вперед! Никто не отставай!

Добро и зло—из одного корня,
Так говорили встарь, это так и есть.
Если не поспешим—время уйдет,
И к добру не пойдем, вернемся ко злу.

К старому, плохому не иди никто.
Все, что необходимо для нового, делайте все—
Вот что нам нужно теперь,
Наш долг итти вместе по этому пути!

Рухнули несправедливость, правда шагает.
Зло упало на-земь и правда победила.
Если не взяться за полезное дело—лень
победит.
И скажут тогда товарищи: „Они ни к чему не
способны".

Свобода слова разрешена для всех.
Рабочие, крестьяне принялись за работу.
Проснитесь, встаньте, довольно безделья,
Начните работать, не отставайте от других!

Встаньте, товарищи, двигайтесь вперед!
Отвернитесь от старого времени.
Дело полезное творите для нашей страны.
Не откладывайте, будьте готовы всегда!"

1917 год.

Так писал Дмитрий Гулия, когда стояла „вся Россия, смерчем скрученная в столб?!" (Маяковский).

Пламенный революционный призыв первого поэта абхазца имеет большое идейно-политическое значение. Он выступает, как оптимист, верит в силу революции, приветствует свободу рабочего класса и трудящихся, проклинает старое, низкое и несправедливое. Здесь Дмитрий Гулия, как народный писатель и просветитель, борец за дело трудящихся, который всю жизнь мечтал „помочь своим поэтическим трудом народу", сделал несомненный и большой шаг вперед на тернистом пути своего творчества.

В 1919-1920 гг. Дмитрий Гулия был редактором первой в истории Абхазии газеты „Апсны".

Небезызвестный меньшевистский пройдоха, Исидор Рамишвили привез из бывшей типографии канцелярии наместника на Кавказе шрифт абхазского языка для газеты. Газета мыслилась меньшевиками как идеологический рупор, который должен был „обрабатывать" умы трудя-

щихся абхазцев в духе „демократического“ меньшевизма.

Товарища Гулия сделали редактором „Апсны“ не в силу его „благонадежности“, а просто как специалиста, т. к. людей так знавших абхазский язык, как Гулия, почти не было. Редактор Гулия оказал меньшевикам большую „услугу“. Он сам об этом писал так: „Газета эта, можно сказать, была по преимуществу литературной, где помещали молодые поэты свои произведения: стихи, рассказы, пьесы и пр. Такой характер ей был придан, чтобы она не сделалась орудием меньшевиков, для проведения своих политических целей. Если в газете попадались статьи политического характера, то эти статьи отражали идеи большевиков“.

На страницах „Апсны“ Дмитрий Гулия критиковал политику меньшевиков в Абхазии, информировал абхазское население о победах Красной армии на фронтах гражданской войны и разоблачал ложь и изысканную провокацию меньшевиков против партии большевиков. В своей газете он писал сатиры против всякого рода темных агентов контрреволюционного меньшевизма. Так им была написана сатира: „И счастлива же я теперь“.

„И счастлива же я теперь.
Сын Назхара так образован—
Читает, пишет много он.
Интеллигентом стал сердечный,
Пусть мать умрет за Назхара!

Абхазец он и здесь воспитан—
Но слов абхазских он не знает.

Так горд. За то другими языками
Владеет смело. Своих меняет на чужих.
Пусть мать умрет за Назхара!

К чужим он жалости исполнен.
Но братьям любит повредить,
За деньги, хоть пахать он будет.
Ласкай—и песенку споет.
Пусть мать умрет за Назхара!“

1919 год.

Перевод с абхазского *Н. Данилевской*.

По-моему мнению, здесь раскрывается предательская, гнуснейшая роль меньшевистского агента В. Гурджуа и ему подобных.

Да, действительно, это было так правдиво и реально, что меньшевистскому наймиту Гурджуа поистине мы могли сказать словами Горация: Mutato nomine de te fabula narratur.

Разнузданность меньшевистской гвардейщины, дикий национализм и поспешный грабеж Абхазии отражены в творчестве Гулия циклом стихов, выражающих негодование поэта, как например, в стихотворениях „Моя родина“ и „Абхазия“ (1920 г.).

„Милая родина, что случилось с тобой?
Чего ищешь, что оплакиваешь,
Отчего ты так печальна?
Свет мой, моя родина...“.

*

„Прекрасное мне сердцу близко. Плохую песнь не спою Тебе, Апсны!
И нет усталости во мне, отдам всю силу я свою Тебе, Апсны!
Тебе слова мои звучат, и не умолкнет мой язык,
И льется стих.

Молюсь я богу за тебя. Услышит ли он сердца крик?
Мой льется стих.
Не бойся трудностей, Апсны! Кто побеждает зло—
боец, достойный похвалы.
Хорошим только—мало быть. Борьба—вот друг
таких сердец, что в бурю могут плыть".

1920 г.

Перевод с абхазского *Н. Данилевской.*

Как старый народный учитель, хорошо знающий школьное дело, Дмитрий Гулия особенно остро критиковал „культурную деятельность" меньшевиков на страницах „Апсны". Вот что писал он в номере 8 газеты „Апсны": „Сухумская горская школа сегодня стоит опустошенной (буквально оголенной) и вонючей, как старый пастушеский шалаш...". Таких характеристик привести можно много из редактируемой Гулия газеты „Апсны".

3. Эпоха советской власти. „Солнцем встает бытие иное" (Маяковский). „...Знаменательной датой является 1921 год—год установления советской власти в Абхазии, год возникновения первого абхазского театра, год общего подъема литературы и абхазской культуры вообще",—пишет Гулия.

Да, это была поистине великая и замечательная дата — конец предистории и начало новой, настоящей истории трудящихся Абхазии.

Спустя месяца 2—3 после победы советской власти в Абхазии Дмитрий Гулия организует первую абхазскую театральную труппу. „Я принялся,—

говорит Гулия,—за это дело с огромным желанием и пылом".

Созданный под непосредственным руководством Гулия первый абхазский театр побывал во многих абхазских селах, постановки были даны в Очемчирах и Гудаутах. Сам основоположник абхазского театра Дмитрий Гулия вдохновленно вспоминает об этом эпизоде так: „Наши гастроли все время пользовались у населения исключительным успехом. Для нас эта поездка, сопровождавшаяся определенными трудностями, превратилась в радостный праздник. Первых проводников абхазской сценической культуры народ встречал исключительно восторженно. А наши женщины-актрисы просто ошеломили зрителей и пользовались заслуженным успехом".

Итак, исторические нити от сегодняшнего профессионального абхазского театра тянутся к отцу абхазской литературы—Дмитрию Гулия. Здесь особо следует подчеркнуть, что в этот же период театр Гулия впервые запел боевой и волнующий „Интернационал" на абхазском языке в селах Абхазии, в переводе Гулия и С. Чанба.

Именно после установления советской власти т. Гулия, имея крепкую поддержку со стороны партии и советских органов, ведет большую общественную работу в области культурного строительства в Абхазии. Здесь он уже занимается помимо литературно-художественной работы и большой научной работой, особенно в области языка и истории. В 1925 году в Тифлисе выхо-

дит его „История Абхазии“, том I. Поистине нужно было быть Дмитрием Гулия, чтобы терпеливо собрать колоссальное количество материалов, разворотить горы неизданных и неизвестных архивных источников, обработать их и написать „Историю Абхазии“, человеку, который „окончил“ образование в 4 года и 4 месяца. Наш выдающийся полиглот, основатель нового учения о языке, Николай Яковлевич Марр, несмотря на ошибки Гулия, дал прекрасный отзыв о его работе над историческими проблемами Абхазии. Вот что писал Марр по вопросу об издании работы Гулия: „В то же время, бесспорный факт, что до сегодняшнего дня никто в таком масштабе, как Гулия, не интересовался одновременно прошлыми судьбами и настоящим бытом Абхазии, ни один ученый, ни в Европе, ни на Кавказе, из располагающих для этого достаточными теоретическими данными не удосужился и не скоро удосужится для составления работы по глубине искреннего интереса подобно той, которая уже готова у Д. И. Гулия, между тем, если автор и не убеждает нас в своей мысли, да и не располагает технически состоятельным методом, особенно в лингвистической части, в книге много осведомительного материала и возбуждающих интерес вопросов не только по доистории, освещаемой приноровленным к преданию, что у Геродота о колхах, взглядом на происхождение абхазов, но и по истории, так в частности при установлении списка абхазских царей

и длительности их абхазского национального лица. Здесь особый интерес представляет и попытка автора в первых царях абхазской династии признать не Багратидов, а абхазский род Ачба. Что же касается этнографических сведений, то часть об абхазском народе может служить по компетенции автора первоисточником для интересующихся этой стороной дела“.

В своей известной работе „Абхазоведение и абхазы“ Н. Я. Марр, говоря о проблеме языкового родства „абхазов с египтянами“ указывал: „Ею воодушевлен в наше время уважаемый наш коллега Д. Иос. Гулия“ (Избранные работы, том V, ст. 168, 1935). Вот как высоко ценил Дмитрия Гулия величайший лингвист нашей эпохи, коммунист, академик Марр.

Необходимо особо подчеркнуть, что работа Гулия над историей Абхазии не увенчалась успехом, несмотря на колоссально затраченный труд. Теория эфиопского (абиссинского) происхождения абхазов оказалась недоказанной и не научной. И это положение объясняется не тем, как некоторые трактуют, „что поэт Гулия помешал историку Гулия“, а тем, что историография Гулия „...верит на слово каждой эпохе в том, что она говорит о себе и что она воображает о себе...“ (Маркс и Энгельс. Архив, кн. I, стр. 233, 1924). Отсутствие марксистско-ленинского анализа обрабатываемого исторического материала и чрезмерное увлечение чисто формальными признаками сходства исторических народов и топонимики привели Дмитрия

Гулия к „теории миграций“ и другим антимарксистским положениям. Критика этой работы со стороны т. Анат. Фадеева и др. известна.

Как крупнейший абхазовед, Дмитрий Гулия дает ряд научных и весьма практически важных работ в области абхазского языка. В 1927 году он выпускает „Материалы по абхазской грамматике“, „Терминологический словарь“ в 1930 г., „Орфографию абхазского языка“ в 1933 г. и другие, а в области истории „Сухум—не Диоскурсия“ в 1935 г. Только в наше счастливое время, в эпоху Великого Сталина, Дмитрий Гулия имел возможность серьезно изучить абхазский язык не только как писатель, но и как лингвист, привести в систему материалы своей научной работы в области изучения и разработки абхазского языка и фольклора, которую он проводил вместе с академиком Н. Я. Марром в 1912 году, 16-м и 24-м гг.

В 1924—25 гг. Гулия по специальному приглашению читает курс абхазского языка в Тифлисском Государственном Университете. В 1927—1930 гг. Дмитрий Гулия состоит председателем Академии Абхазского Языка и Литературы. На посту председателя А. А. Я. и Л. тов. Гулия проводит большую научную и организационную работу, особенно в связи с рядом изменений абхазского алфавита. В 1929 году он избирается членом Комитета нового тюркского алфавита и действитель-

ным членом Грузинского Историко-Этнографического Общества.

За последние годы тов. Д. Гулия проводит немалую работу по составлению абхазских учебников. И в этом не только новом, но и трудном деле он своим опытом и безукоризненным, несравненным знанием абхазского языка принес большую пользу делу культурной революции в Абхазии.

В 1934 году выходит большой „Сборник избранных произведений“ Д. И. Гулия. В этом литературном сборнике Гулия даны не только лучшие вещи, написанные им до революции, но и новые произведения. Новая тематика Гулия—это тематика социалистического реализма. Он поет и говорит о социалистическом строительстве, о колхозной жизни—воспевает и приветствует ударников социалистических полей. Здесь он резко выступает против поповщины и кулаков, против всякой вражеской мрази, которая вредит и пытается разрушить наше общее дело.

Своим метким словом он заостряет внимание читателя и своего слушателя на действенную борьбу с врагами социализма, с врагами колхозного строя. Своей язвительной сатирой в небольших произведениях и частушках Гулия разоблачает и бьет врагов народа. Агитационно его частушки так заострены, что были изданы специальной книжечкой под названием „Абхазские частушки“ ко всеабхазскому народному гулянью в исторических Лыхнах 1-го мая 1934 года и там

народ читал частушки Дмитрия Гулия—своего старого певца—с большим интересом и любовью.

Одним из последних произведений Гулия является стихотворение „Тебе, Сталин".

„Ты, Сталин, великий, чья слава часами растет,
Пред кем угнетатели мира трепещут,
Кого угнетенные ждут в нетерпеньи,
Кто Ленина дело к победе приведет.

Весь мир ты светом ума озарил
И путь угнетенным ты к свету открыл.
Бесстрашно их руки стремятся к труду.
Отцом тебя люди, великий, зовут!

И нас отогрел твой внимательный взгляд:
Абхазцев, когда-то измученных рабством,
Теперь озаренных сияющей жизнью,
Забывших о горечи прошлых утрат.

Наша Апсны среди гор затаенная,
Наша родная страна—
Молнией взоров твоих окрыленная
Стала крепка и сильна.

Сделав ее всесоюзною здравницей,
Тысячам дал ты здоровье, покой.
И красота—чем Абхазия славится—
Миру открыта—тобой.

Сохи на трактор давно мы сменили,
Легким, любимым стал труд.
В наших колхозах, как будто на крыльях,
Песни и дело идут.

Вспоминая тебя—мы крепим наше сердце
И работа нам—радость и жизнь весела.
Мы везде соревнуемся, широка наша мера.
Мы при утренних звездах начинаем дела.

Раньше были дороги непроездны и грязны,
А сейчас дружной цепью бегут там авто,
Раньше были пески верховым непролазны,
А сейчас гордо высятся дуги мостов.

Не видать было раньше в селениях школы,
А теперь там звенит и шумит детвора.
Был когда-то народ наш неграмотный, темный,
А теперь ему книга—родная сестра.

Мы песнь поем, вставая
С предутренней звездой.
Тебя, о Сталин, знаем,
Тебя мы воспеваем
На апхярце—игрой.

Кто же дал нам эту песнь и радость?
Это ты, великий вождь народа!
Ты потомок великанов Нартов,
Что сбивали звезды с небосвода.

Сердцем всем служить тебе готовы.
Наша песня, наше знамя—ты!
Поднимаем апхярца для слова—
И тебе, что сказку обращаешь в быль.

Мы тебя, великий, воспеваем,
Наша песня мчится как стрела
И едиными устами восклицаем:
— Да живешь ты годы долгие, наш Сталин!
— Да живут твои великие дела!"

Перевод с абхазского *Н. Данилевской.*

Великого вождя народов всего мира воспевают лучше поэты; его поет, им живет весь победивший народ необъятного Советского Союза. Гениального Сталина красочно и непревзойден-

но воспевают и славный ашуг Сулейман Стальский и благородный мудрец Востока — старик Джамбул. Наконец, нам всем известна, близка и понятна песня, которую сложил о Сталине 80-ти летний колхозник из Лыхны, Сейдык Кварчия. Здесь важно то, что в творчестве Гулия его лучшее произведение о Сталине — обращение к вождю и глубокая безграничная благодарность отцу и учителю за счастливую жизнь—не случайно. Это есть пламенный голос победившего народа. Это есть исторический смысл всей деятельности и литературного творчества Дмитрия Гулия. Народ, страстно любимый и защищаемый Гулия (пусть это было больше внутренним переживанием, чем активным действием), победил в огне пролетарской революции, в системе диктатуры рабочего класса.

Сталин—это победа!
Победа—это народ!
Народ—это Сталин!

Вот почему основоположник абхазской литературы понимает и глубоко взволнованно пишет о нашем родном, бесконечно любимом и великом Сталине.

От робкого романтизма к большой социальной патетике,—вот еще чем замечателен путь литературного творчества Дмитрия Гулия.

Следует остановиться на том, что Гулия проделал большую работу как квалифицированный и культурный переводчик. Лучшие переводы на абхазский язык с грузинского и русского принад-

лежат именно поэту Гулия. Но кроме этой стороны его переводческой работы необходимо отметить, что и здесь его деятельность целенаправлена и непосредственно связана с интересами широких слоев трудящихся масс. Он переводит такие вещи, как „Сурамская крепость"—Даниэля Чонкадзе и тому подобное.

Талантливый поэт Дмитрий Гулия, чей замечательный стих не раз пленял сердца людей, чьи слова ярко и нежно играли мелодичный ачамгур и примитивная абхазская апхярца на больших межрайонных и всеабхазских скачках, на обширных сходах народа и дружеском кругу товарищей, не пренебрегал самой черновой практической работой—лишь бы была польза для трудящихся.

Еще в 1910 году он переводит с русского „Болезнь домашних птиц и их лечение", в 1919 г. „Как выбирать здоровую рабочую лошадь", „Как выбирать здоровую молочную корову", „Лечебник" и т. п.

Гулия—своеобразный народный университет. Он разносторонне помогает трудящимся на протяжении всей своей сознательной жизни своим культурным трудом и советом. Народ знает и уважает своего любимого поэта и советника, он ценит его честный и преданный труд.

В настоящее время писатель Гулия работает над романом „Камачич", отрывки из которого уже печатались. Фабула романа—путь абхазской женщины. Автор хочет показать эволюцию разви-

тия женщины в процессе борьбы классов. Женщина в прошлом, угнетенная и забитая, вдвойне эксплоатируемая, дается в историческом аспекте ее борьбы за свободу, за нашу счастливую социалистическую жизнь,—вот кратко основной мотив сюжета первого абхазского романа—„Камачич".

Сейчас Дмитрий Иосифович Гулия имеет около 11—12 научных и литературных работ в манускриптах, которые уже должны пойти в производство.

15 марта с. г. Президиум Академии Наук СССР присвоил Д. И. Гулия ученую степень кандидата этнографических наук за работу по абхазскому языку и фольклору.

В настоящее время Д. И. Гулия состоит научным работником Института Абхазской Культуры имени акад. Н. Я. Марра грузинского филиала Академии Наук СССР. И здесь он является одним из квалифицированных, основных работников Института.

Гулия состоит членом Союза советских писателей СССР и членом правления Союза советских писателей Абхазии.

В 1929 году решением Президиума ЦИК'а ССР Грузии Д. И. Гулия было присвоено звание „Героя труда" с награждением его орденом „Героя труда".

Дмитрий Гулия—первый абхазский писатель и ученый—всегда останется в абхазской литературе замечательным мастером слова, достойным подражания.

Наши молодые абхазские литераторы должны учиться у народного поэта Абхазии тонкому искусству „пластического изображения посредством слова".

Сын простого крестьянина, бедняка Уруса, скромный народный учитель, прослуживший в качестве педагога около 40 лет, отдал всю свою жизнь делу просвещения угнетенных, делу защиты трудящихся крестьян от эксплоататоров—врагов народа.

Сорокапятилетний юбилей литературного творчества нашего любимого поэта Дмитрия Гулия —основоположника абхазской литературы, — есть подлинный народный праздник всех трудящихся Абхазии, всего победившего народа нашей орденоносной республики.

Несколько слов об абхазской литературе вообще. Из сказанного о творчестве поэта Гулия видно, что до советской власти литературной деятельностью из абхазцев почти никто не занимался, кроме Д. Гулия и Самсона Чанба, ставшего впоследствии известным своими драматическими и прозаическими произведениями („Махаджири", „Сейдык" и др.). Лишь с установлением советской власти в Абхазии; абхазская литература становится на серьезный и жизненный путь большого творчества. Уже в первые же годы нашей новой советской жизни мы имеем талантливые произведения абхазцев.

Достойным учеником Гулия был молодой поэт Иуа Когония. Он дал ряд прекрасных лирических стихотворений и замечательно оформил народные

сказания об Абатаа Беслане. Но неумолимая, слепая сила стихии чересчур рано вырвала из наших рядов этого цветущего и весьма одаренного абхазского поэта.

Великая Социалистическая Революция раскрыла и выдвинула сотни и тысячи талантов из народа. „У нас развивается процесс небывалый никогда и нигде—в литературу идут сотнями люди от сохи и от станка...“ (Горький, О литературе, стр. 15, 1935 г.).

Социализм, мудрая ленинско-сталинская национальная политика явились основой нашего экономического и культурного расцвета. Сейчас в рядах Союза советских писателей Абхазии работают не мало способных и талантливых товарищей. По моему мнению, из молодых писателей абхазцев самое значительное место занимают поэты Леварса Квициния и Леонтий Лабахуа. Леварса Квициния -- растущий и талантливый писатель. Его перу принадлежат поэмы: „Ленин“, „Шаризан“ и „Даур“. Квициния—автор замечательного стихотворения „Мой Сталин“.

„Гасли закаты и зори вставали,
Морозы сменяли зной...
Ни разу в жизни товарищ Сталин
Не говорил со мной.
Я видел только его портреты,
А он меня—никогда.
Мне было обидно думать об этом.
Как южных ночей звезда,
Горела во мне мечта о свиданьи
Под сенью кремлевских стен.
Каким он будет, этот желанный

Мой самый счастливый день?
Но вдруг я понял, что ошибаюсь,
Только мечтая о нем.
Я каждый день, каждый час встречаюсь
И говорю с вождем.
Если ребячьи звенят голоса,
Если наш труд весельем расцвечен,
Если страна как цветущий сад,
Если винтовки не знают осечек,
Если в пустынях шумят города,
Если в колхозах амбары полны,
Если на верфях взрастают суда—
Значит наш Сталин с нами всегда,
В любом уголке страны.

Я вырос героем, я молод, силен,
Мой путь до мельчайших деталей
Лучами созвездия озарен
И это созвездие—Сталин.

Пока обращен ко мне его свет,
Пока моя жизнь неразрывна с ним,
Пока я шагаю за ним во след,—
Мой след будет также неугасим.
В Минске, в Киеве Сталин живет,
Бакинскими промыслами идет,
Табачных плантаций пушистым ковром
Шагает мой Сталин в Сухуми моем.
Он слышит клекот горных орлов,
Он слышит мерный прибой морей,
Он видит Эльбруса снежный покров,—
Он видит меня и моих друзей.
Коробочки хлопка раскрыты жадно,
Пропеллеров рокот над майской страной.
Границ неприступных и мощь народов,—
Все это—Сталин мой.
Сталин—небо мое и земля,
Сталин—солнце, вода и воздух.

Сталин—мудрая слава Кремля,
Сталин—работа моя и отдых.
Куда бы ни шел он, мне не свернуть,
Я счастлив за ним итти,
Мне ясен и радостен сталинский путь
И нет мне иного пути".

Перевод с абхазского *А. Жислина.*

Вместе с тем нельзя не отметить в отношении поэта Квициния и то, что он не всегда достаточно отшлифовывает свой язык. Тов. Квициния в отношении простоты и народности своего поэтического творчества должен еще и еще раз учиться у Д. Гулия.

Несомненно, одаренным является молодой абхазский поэт Леонтий Лабахуа. Он написал поэму „Голсс Ткварчел".

Ниже я привожу характерные отрывки из этой поэмы:

. . . . . .

Взрываем скалы мы могучим динамитом,
Высоко вверх вздымаем темп работ.
Для нас и ночь и полдень позабыты.
Пока страна лавину угля ждет.
Идет труда сверкающий конвейер,
Лишь изредка сирены гулкий вой
Дает сигнал—остаться без движения,—
И взрыв ведет свой яростный прибой.

*

Гур-р-рагуакь — скорее в ущелья.
Гур-р.рагуакь — раскатом летит,
Камни срываются бурным потоком
Падают в пропасть и кварц и гранит.
Чудо совершается: вздыбились горы,
Следом несется мятежная пыль.

Рухнули в бездну громадные скалы,
Все разрушая на грозном пути.

. . . . . .

Свети же, солнце—нужен уголь,
Нам люди крепкие нужны.
Пусть будет крепче сила сильных,
Пусть крепнут мускулы страны.
Лопатой вскапывайте землю,
Киркой громите камня грудь.
Кремень, гранит и кварц взрывая,
Мы к новым дням проложим путь.
Крепче темпы работы!
Ахахай афырхацва!
Мы семья трудовая
Всех народов и наций!
В дружном темпе сплетаются
Турки, сваны, абхазцы
И товарищ Репенко,
И камрад Эдуард.
Ударяют киркою,
Укрепляют дорогу.
Ахахай афырхацва!
Нам осталось немного!

Лабахуа проявил себя как незаурядный мастер сатиры, и его вещи не лишены значительного остроумия—„Мазлоу Зегизлоу" и другие.

Следует отметить и драматурга Мута Кове, автора пьес—„Кях Хаджарат" и „Инапха Кягуа". Разносторонне одаренный, он может быть назван любимцем многих муз, включая и изящную Терпсихору. Вчерашний пастух Кове Мута является одним из лучших актеров молодого абхазского театра. В настоящее время Кове учится в театральной студии в Тбилиси при ордена Ленина театре Руста-

вели, под руководством виднейших деятелей замечательного искусства славного грузинского народа, как народные артисты СССР—Акакий Хорава, Акакий Васадзе и других.

Из абхазских писателей следует еще указать на Баграта Шинкуба, как на начинающего и самого молодого поэта Абхазии. Шинкуба не плохо овладевает пером и художественным словом. Он заметно растет.

В Союзе советских писателей Абхазии мы имеем и других абхазских писателей, а также ряд грузинских, греческих и русских писателей.

Грузинский писатель Николай Микава начал свою литературную работу как критик. Но теперь —автор рассказов „Участь Янтаря“ и прекрасного очерка „Мокона“—показал себя вполне зрелым и культурным писателем. Его талант с особой легкостью и красотой проявлен в очерке „Мокона“.

Следует отметить молодого писателя и художника Георгия Гулия. Георгий Гулия—сын основоположника абхазской литературы. Свой талант он показал в повести „Месть“ и в известном очерке—„Здесь был наш Сталин“, напечатанном на страницах „Правды“.

Отмечая рост абхазской литературы, мы еще раз можем подчеркнуть, что наша непобедимая коммунистическая партия Ленина—Сталина воспитала и вырастила немало способных и талантливых людей,—создала национальные кадры, призванные служить великому делу социализма.

Историческое решение ЦК ВКП(б) от 23/IV 1932 г. „О перестройке работы литературно-художественных организаций“ сыграло большую роль в творческом подъеме абхазской литературы.

Абхазская литература вполне оформилась. Она будет цвести и итти от победы к победе по пути нашей большой советской литературы, по пути социалистического реализма.

Абхазская организация Союза советских писателей, насчитывающая в своих рядах около 20 творческих работников, связана тесными узами в своей литературной деятельности с Союзом советских писателей Грузии и других братских нам республик. Не мало крупных организаторов и передовых писателей Советского Союза (Александр Фадеев, В. Ставский, Давид Деметрадзе, Бессо Жгенти, Сандро Эули, Константин Федин, Тициан Табидзе, Пантелеймон Чхиквадзе, Вячеслав Шишков и другие) помогают писателям Абхазии в их художественной, литературной работе. И эта братская помощь для нас вполне понятна и закономерна, ибо „...единственный способ установления режима братского сотрудничества трудящихся масс народов угнетенных и неугнетенных—это ликвидация капитализма и установление советского строя“ (Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 76, 1934).

Советские писатели, помимо овладения высотами художественного мастерства, должны одновременно упорно работать над повышением своего идейно-политического уровня. Произведения

советских писателей должны быть не только высоко-художественными произведениями. Они должны быть идейно-насыщенными, проникнутыми глубокими философскими мыслями, принципиальными, насыщенными духом советского патриотизма и содержащими в себе сознательную, активную, героическую ненависть „к подлому врагу своему". Нам нужно повысить „чувство ответственности перед завтрашним днем".

Советская литература должна быть достойна нашей великой эпохи и должна „успевать за ураганным ходом нашей страны".

Отсюда возникает необходимость бороться за идейно политическую вооруженность каждого советского писателя.

Великая партия Ленина—Сталина беспощадно разгромила „литературные теории" контрреволюционного троцкизма, которые выражались в наглом отрицании социалистического характера нашей литературы.

Подлейшие из подлых, фашисты, наймиты гестапо, кровавые убийцы—троцкисты и зиновьевцы, в целях реставрации капитализма решившиеся на бандитские террористические акты против наших любимых вождей, руководителей партии и правительства, сумели пролезть и в наши литературные организации, пытаясь использовать и их для своих гнусных, изменнических и контрреволюционных целей.

Это, конечно, вызывает глубочайшее возмущение и протест всех честных советских писателей,

как и всего Великого Советского Союза, и требует от нас быть особо бдительными и беспощадными ко всяким происка м презренных врагов народа, злобных последышей вдребезги разгромленных эксплоататорских классов. ....Бдительность есть то качество, которое теперь особенно остро необходимо большевикам. Это еще раз наглядно показывает факт антипартийной двурушнической работы не только троцкистских бандитов, но и правых, главари которых—Бухарин и Рыков—Пленумом ЦК исключены из рядов партии" („Правда").

Абхазская организация Союза советских писателей тем более должна повысить свою бдительность и боеспособность, что в ее ряды пролезли ныне разоблаченные контрреволюционеры-троцкисты—Цвижба Ш., Агрба В. и Перебейнос И.

Союз советских писателей Абхазии должен разоблачить троцкистские писания двурушника Валер. Григорьева, человека, „обретшего" свое „имя" в паутине дипломированного и отвратительного подхалимства. Не нужно забывать, что за выпуск „работ" этого заносчивого псевдописателя мы несем определенную политическую ответственность.

Союз советских писателей Абхазии должен поднять свою наступательную бдительность, как тому учит нас виднейший историк нашей партии, рулевой большевиков Грузии Лаврентий Берия. Сейчас нам необходимо, как никогда, зорко следить за всеми врагами народа и лицемерами-двурушниками, которые захотят, маскируясь под со-

ветского писателя, пролезть в наши ряды, в нашу социалистическую семью, для своих мерзских контрреволюционных целей.

Японо-немецко-троцкистских агентов фашизма и их сообщников—правых реставраторов капитализма в нашей стране нам необходимо выкорчевать до конца!

В Союзе советских писателей Абхазии есть много и весьма существенных недостатков.

Здесь чувствуется какая-то замкнутость, безынициативность, отсутствуют критика и самокритика, имеются элементы зазнайства и беспечности. Нет надлежащей революционной боеспособности и бдительности.

На основе решений Февральского Пленума ЦК ВКП(б) Союзу советских писателей Абхазии необходимо решительно перестроить свою работу и в ближайшее же время изжить все свои недостатки.

В свете этих важнейших политических задач становится еще более очевидной необходимость овладения большевизмом, необходимость упорной и кропотливой литературной учебы наших писателей.

Работая под великим знаменем Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, идейно вооружаясь, борясь со схематизмом, с формалистическими и натуралистическими извращениями в литературе, овладевая художественным мастерством, добиваясь простоты и народности своего творчества, абхазские писатели, несомненно, смогут создать такие произведения, которые еще более обогатят нашу нацио-

нальную по форме, социалистическую по содержанию культуру.

Звание советского писателя—почетное звание. „Товарищ Сталин назвал наших писателей инженерами человеческих душ“ (Жданов). Это великое сталинское доверие и звание писатели должны оправдать своими большими творческими делами.

В наши дни, дни Сталинской Конституции, особенно радостно творить и создавать новое. Мы здесь с гордостью и вдохновением повторяем замечательные слова Великого Сталина, сказанные им в докладе о проекте Конституции Союза ССР на историческом VIII Чрезвычайном С'езде Советов: „В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. Это вооружает духовно наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство законной гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма“ (Сталин).

Советская литература—самая передовая и идейная литература в мире. Советские писатели достойно ответят на принятие Сталинской Конституции, этой великой хартии социализма. Они

ответят своими произведениями, такими, которые запечатлеют величественность и красоту, многогранность и яркость нашей эпохи, эпохи Ленина—Сталина. И можно быть уверенным, что в этом, достойном пламенном поэтическом отклике будет слышен звучный голос и наших абхазских писателей.

Ответственный редактор А. К. ХАШБА.
Техредактор И. ТИЩЕНКО.

Сдано в печать 25/II, подписано к печати 20/IV 37 г. Объем 4 печ. листа, вместимость 30.400 зн. в печатном листе. Заказ № 1173. Тираж 1600 экз. Абглавлит № 2435.

Гор. Сухуми, типо-литография Абгиза, ул. Ленина, № 3.

Цена 2 руб.

